

ПАРАДОКСЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Т. П. Максимова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Полноценное удовлетворение первичных потребностей населения является ключевым фактором устойчивости любого типа экономической системы. В статье рассмотрены особенности проблемы продовольственной безопасности; выявлены парадоксы ее проявления; акцентировано внимание на достижении параметров качества при решении проблемы продовольственной безопасности. Автором проведен сравнительный анализ отдельных аспектов мировой и национальной продовольственной безопасности; проанализировано выполнение параметров Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Обоснована многоаспектность проблемы продовольственной безопасности и необходимость ее системного рассмотрения. Кроме того, даны гипотетические прогнозы, что наблюдаемые тренды преобладания крупных форм хозяйствования в структуре производства продукции сельского хозяйства могут привести к серьезным структурным сдвигам во всей системе хозяйствования, снизить роль рыночных механизмов и повлиять на снижение биоразнообразия продовольственного обеспечения.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение, крупные и малые формы хозяйствования, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, государственное регулирование.

PARADOXICAL EMERGENCE OF THE FOOD SECURITY PROBLEM IN TIMES OF CURRENT CHALLENGES: FROM THE GENERAL TO THE PARTICULAR

Tatiana P. Maksimova

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Complete satisfaction of essential needs of the population is a key factor of any economic system sustainability. The article studies specific features of the food security problem, identifies paradoxes of its emergence, focuses on attaining quality parameters in resolving problems of food security. The author carries out comparative analysis of certain aspects of global and national food security and investigates implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. The multi-aspect character of the food security problem was grounded and the necessity of its systematic study was underlined. Apart from that, the article provides hypothetic forecasts that current trends of dominance of big economic forms in the structure of agricultural produce output could cause serious structural changes in the whole economic system, reduce the importance of market mechanisms and result in decreasing biodiversity in food supply.

Keywords: food supply, big and small economic forms, the Food Security Doctrine of the Russian Federation, state regulation.

Введение

Исторически проблема продовольственной безопасности (ПБ) является системообразующей. Сохраняет свою актуальность и высказанная К. Марксом более ста лет назад фраза о том, что «производство продуктов питания является самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще» [1. – С. 691–692]. А ее состояние и характер проявления данной проблемы в свою очередь определяются спецификой взаимосвязей хозяйственных структур и наличием факторов производства, от которых зависят воспроизводственные процессы продовольственных товаров.

При определении сущностных характеристик ПБ опираются как на подходы, устоявшиеся в кругу научных исследователей, так и на нормативно-правовые подходы, исходя из особенностей сформированной нормативной базы по данному вопросу в национальных экономиках и преобладающей системы ценностей в национальной экономике. При этом приоритет все же остается за нормативно-правовым подходом, поскольку он был введен в научно-аналитический оборот сравнительно недавно – в 1974 г. на Всемирной конференции по проблемам продовольствия, которая проходила в Италии и в которой участвовало более 130 стран мира. Сущностные характеристики ПБ были прописаны двумя десятилетиями позже – в 1996 г. в Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности. В ней акцентировалось внимание на вопросах обеспечения доступа каждого гражданина в национальных экономиках к продуктам питания и воде в «ассортименте и объемах, необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства населения страны»¹. В тот же период на Всемирном про-

довольственном саммите, проходившем в Риме, было акцентировано внимание на разграничении подходов относительно физической и экономической доступности продуктов питания. Собственно, эти основные принципы в разной стилистической форме позднее стали использоваться при научном анализе проблемы продовольственной безопасности.

В российской экономике нормативно-правовой подход определен Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации от 2020 г., согласно которой проблема ПБ рассматривается как такое «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни»². Таким образом, в этом определении акцентируется внимание, во-первых, на принципах самодостаточности воспроизводственных процессов национальной экономики; во-вторых, на самом факте наличия необходимого количества продовольственной продукции; в-третьих, на экономической доступности, под которой понимается прежде всего соотношение доходов потребителей и стоимости продовольственной корзины, исходя из минимальных норм потребления (включая цены на данную продукцию, ее объем и ассортимент).

Очевидность системного подхода при обеспечении ПБ обосновывается также тем, что она включает в себя в настоящее время такие составляющие, как:

а) вопросы взаимосвязи продовольственной безопасности с остальными

¹ Римская декларация по всемирной продовольственной безопасности. – URL: www.g20civil.com/ru/documents/205/577/ (дата обращения: 02.02.2023).

² Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

структурными элементами общей системы национальной безопасности локальных экономик в условиях наблюдаемых глобальных трансформаций в сторону процесса деглобализации;

б) вопросы о том, кто будет производить и реализовывать количественные параметры Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.

Состояние проблемы продовольственной безопасности в мире: сравнительный анализ

Если рассматривать глобальную проблему ПБ, то следует констатировать очевидность поступательных тенденций по ее сглаживанию. Так, по оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), количество голодающих в мире сократилось с 1 млрд в середине XX в. до 650 млн человек в 2019 г. Однако за годы пандемии (2020–2021) количество голодающих увеличилось до 830 млн человек. Кроме того, ФАО определяет, что 770 млн человек, по состоянию на конец 2021 г., относятся к категории недоедающих. Это на 46 млн больше, чем в 2020 г.¹, что связано как с последствиями COVID-19, так и с нарушением цепочек создания стоимости и сбоем всей системы геополитических экономических связей ввиду, например, закрытия границ национальных экономик и блокировки логистических связей из-за политики всеобщего локдауна. Однако среди российских исследователей высказываются отдельные мнения, что проблема ПБ серьезно обострилась еще до начала мировой пандемии, а пандемия ее только усугубила. Так, например, Е. В. Серова уже несколько лет на разных площадках последовательно высказывает свою позицию о том, что скрытое обострение проблемы ПБ было спровоцировано еще в 2006–2008 гг., когда США стали масштабно реализовывать программы по биотопливу сначала у себя, а потом в странах Евросоюза, что «стало в

тот период одним из факторов роста цен на продукты» [2]. По ее мнению, рост цен на кукурузу и сою, а также на другие зерновые и масличные культуры имел мультипликативный характер воздействия на «рост цен на продукты всех групп, которые торгуются на мировом рынке» [2]. В условиях открытых экономик такая позиция имеет полное право на существование, но в ситуации, когда мировые связи серьезно трансформируются, данный фактор можно рассматривать в числе комплиментарных, а не доминирующих. Безусловно, мировая пандемия оказала свое негативное влияние на состояние мировой ПБ: почти каждый десятый из всего населения земного шара пострадал от голода в 2020 г. Наиболее тревожная ситуация в Африке, где каждый 5-й голодает или недоедает. Почти каждый третий житель в мире (или 2,37 млрд человек) не имел доступа в 2020 г. к полноценному питанию. Много это или мало, если к 2020 г. население планеты было около 8 млрд человек? Если принять во внимание не только 830 млн человек голодающих, но и более 2 млрд человек, которые не могут обеспечить для себя полноценное или здоровое питание (примерно в одинаковых пропорциях по каждому из направлений), то можно сделать промежуточный вывод, что у каждого третьего на планете его желания или потребности не совпадают с существующими экономическими возможностями. Одним из следствий затяжного характера ПБ становится очевидная задержка в развитии детей до 5 лет. Такие последствия проявления ПБ затронули в мире более 20% детей указанного возраста, т. е. каждый 5-й ребенок в мире имеет задержку развития².

Одновременно прослеживаются парадоксальные проявления проблемы ПБ: например, наряду с высокими показателями по недоеданию наблюдаются очевидные тренды роста ожирения, количественные параметры которых в странах Северной Америки, Европы и Океании достигли

¹ URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/cc2211en>

² Там же.

уже 30%. Более того, в отдельных странах Океании эта цифра превышает 50%, т. е. каждый второй житель таких островных государств, как Тувалу в Полинезии или Науру на островах Тихого океана, страдает ожирением. Более 30% этот порог достигает в США, Египте, Турции и других государствах, которые сами являются экспортерами отдельных видов продовольствия. Высокая распространенность ожирения среди взрослых сосредоточена на островах Тихого океана, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Для многих из этих стран характерно сочетание ожирения среди взрослых и отставания в развитии среди детей. Например, в Египте, распространенность отставания в росте у детей составляет более 20%, в то время как проявление среди взрослых признаков ожирения составило более 30%. В России, по оценкам ФАО, аналогичные тренды: процент ожирения среди взрослого населения увеличился с 19% в 2000 г. до 23,1% в 2016 г.¹

Гипотетически можно предположить, что причины таких противоречий между тенденциями увеличения количественных параметров голодающих и трендами ожирения связаны с рационом или структурой питания. То есть проблема ПБ в одинаковой степени зависит от достижения как количественных, так и ее качественных параметров. Действительно, в разных регионах мира существенные различия наблюдаются в структуре питания, исходя из критериев энергетического обеспечения: например, зерновые, которые вносят основной вклад в энергетическую ценность рациона питания, составляют от 24 до 50%. В частности, в Океании, где наиболее высокий уровень показателей по ожирению, зерновые в структуре питания составляют около 20%. Одно из объяснений таких расхождений – зависимость подобных регионов до 100% от зерновых. Свою роль здесь играет и проблема всеобщей редкости земельных ресурсов: например, с 2000 по 2019 г. площадь сельскохозяйственных

угодий сократилась на 127 млн га (т. е. размером примерно с государство Нигер), а площадь лесов – на 94 млн га, что составляет площадь Объединенной Республики Танзании.

Второй по энергетической значимости группой пищевых продуктов во всех регионах, кроме Африки, считаются жиры и масла. В Африке преобладает высокая доля в структуре потребления корнеплодов, клубней и бобовых. В Северной и Южной Америке и Океании к таким продуктам относится сахар, а в Океании, помимо сахара, большую долю занимают жиры и масла. Собственно, в этом можно рассматривать одну из причин того, что в Океании более 60% населения страдают ожирением. В доковидный период (с 2000 по 2018 г.) самые заметные изменения в структуре продовольствия происходили в Азии, где доля зерновых снизилась на 7 процентных пунктов, а потребление жиров и масел, мяса, фруктов и овощей, молочных продуктов и яиц значительно увеличилось.

Безусловно, структура потребления во многом зависит от региональных особенностей, включая природно-климатические. Почвенный состав земель также относится к таким особенностям. Так, например, если ориентироваться на долгосрочные тренды в сторону улучшения качества жизни с позиции формирования сбалансированной структуры питания, то все более актуальными становятся вопросы производства органической продукции. Однако здесь мы тоже сталкиваемся с объективностью проблемы редкости ресурсов: основной потенциал земель с органическим статусом (73%) сконцентрирован всего лишь в восьми экономических системах мира. Среди таких стран выделяют Австралию, Аргентину, Испанию, Индию, Францию, США, Китай и Уругвай. Первое место среди этих экономик занимает Австралия, где сконцентрировано 72,2 млн га (или почти 50% от всего количества земель со статусом органического земледелия); на втором месте находится Аргентина – 5%; на третьем ме-

¹ URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/cc2211en>

сте – Испания, Индия, Франция, США, Китай и Уругвай, на долю каждой из которых приходится по 3%. Оставшиеся 27% приходятся на остальные страны мира. Вместе с тем во многих экономиках мира, несмотря на небольшой естественный потенциал земельных ресурсов, в настоящее время придают важное значение данной проблеме: например, в Австрии четвертая часть всех сельхозземель ориентирована на органическое земледелие; в Швеции – 20%; в Чехии, Италии и Уругвае – по 15%. Отдельно следует отметить, что Россия при ее колоссальных возможностях и объемах земельной площади не входит даже в список стран, в которых на органическое сельское хозяйство ориентировано около 5% имеющихся собственных земельных ресурсов. По существующим оценкам, в российской экономике эта доля минимальная: в 2014 г. она составляла 0,1%; в 2015 г. – 0,2%; в 2016 г. – 0,1%; с 2017 по 2019 г. – по 0,3%¹.

Проблема редкости (физической и экономической) касается не только земельных ресурсов как одного из ключевых факторов обеспечения ПБ национальной экономики, она затрагивает и состояние трудовых ресурсов. Несмотря на то, что сельское хозяйство остается вторым по величине источником занятости во всем мире после сектора услуг, количество занятых в этом секторе экономики постепенно снижается. По мировым оценкам, количество рабочей силы в сельском хозяйстве сократилось с 1 050 млн человек в 2000 г. до 874 млн человек в 2020 г., или на 13% за двадцать лет (или с 40 до 27% от всего количества мировой рабочей силы)². Сельскохозяйственная занятость за этот же период снизилась почти на четверть (с 800 млн до 590 млн человек) в Азии: это означает, что каждый четвертый из сельскохозяйственных рабочих ушел или вынужден был уйти из данного сектора хозяйствования.

В Европе данные тенденции имеют еще более высокий темп снижения – на 50%

(с 35 млн до 18 млн человек). В итоге к 2020 г. в Европе насчитывалось немногим более 5% занятых в сельском хозяйстве из числа всех работающих. Наибольшее количество занятых в сельском хозяйстве в Африке, Китае и Индии – до 45% от числа всей мировой сельскохозяйственной занятости.

Обычно снижение доли занятых в сельскохозяйственном секторе экономики связывают с ростом уровня доходов. Однако в данном случае очевидное влияние оказали и такие группы факторов, как всеобщие тренды внедрения технологий в экономическую деятельность и изменения в общей структуре системы хозяйствования, т. е. зависимость от того, какие формы хозяйствования становятся доминирующими, – малые или крупные.

Вместе с тем, хотя проблема редкости ресурсов отражается на состоянии проблемы продовольственного обеспечения, причину существующих парадоксов следует искать и в сложившейся системе ценностей по отношению к культуре потребления и преобладающей ментальности потребителей. Совершенно очевидно, что психологические факторы являются достаточно мощными факторами спроса, который на макроуровне мотивирует предложение продовольственных товаров. Поэтому в этой части вопроса важен комплексный подход, а не только ориентир на количественные параметры при оценке состояния проблемы ПБ.

Особенности проблемы ПБ в российской экономике

Количественные индикаторы продовольственной безопасности (или уровень продовольственного обеспечения) в российской экономике определены, как уже было сказано, в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. По основным группам товаров они ориентированы на порог не менее 85–90% внутреннего продовольственного обеспечения. Исключение составляет такая группа товаров, как фрукты и ягоды, где поро-

¹ URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/cc2211en>

² Там же.

говые значения сориентированы на 60%, учитывая, что данный сектор сельскохозяйственного производства в российской экономике был исторически слабо развит для полного самообеспечения, а дефицит во фруктах и ягодах покрывался за счет развитой системы внешнеторговых связей в условиях открытой экономики. По отдельным группам товаров, согласно оценкам государственных институтов, показатели обеспеченности перевыполнены с большим отрывом: например, по масличным культурам, рыбе и рыбопродуктам – почти в два раза, по зерновым культурам – более чем на 50%.

Отдельно следует отметить, что это те группы товаров, доходность произвдите-

лей по которым была обеспечена за счет их экспорта. Причем производители таких культур относятся часто не просто к крупным формам хозяйствования, а к олигополистическим рыночным структурам в агропромышленной сфере экономики.

По отдельным группам товаров существующий фактический разрыв к 2022 г. был сокращен. Например, по оценкам Минсельхоза России, в декабре 2022 г. фактическое выполнение уровня внутреннего продовольственного обеспечения по картофелю был выполнен на 90%. Таким образом, разрыв от планового индикатора за год снизился на 1,6% и составил 5% (таблица).

**Соотношение плановых и фактических показателей
по уровню продовольственного обеспечения в экономике Российской Федерации* (в %)**

Вид продовольственной продукции	Планируемые индикаторы ПБ	Фактическое выполнение на 1 января 2022 г.	
По оценке Минсельхоза России			
Сахар	Не менее 90	100	10
Масло растительное	Не менее 90	176,6	В 2 раза
Рыба и рыбопродукты	Не менее 85	153,2	В 2 раза
Овощи и бахчевые культуры	Не менее 90	86,9	-3,1
Соль пищевая	Не менее 85	69,4	-5,6
Фрукты и ягоды	Не менее 60	43,6	-6,4
По данным Росстата			
Зерно	Не менее 95	149,9	54,9
Мясо и мясопродукты	Не менее 85	100,3	15,3
Картофель	Не менее 95	88,4	-6,6
Молоко и молокопродукты	Не менее 90	84,2	-5,8

* Источник: Национальный Доклад о ходе и результатах реализации в 2021 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/60d/60d8f2347d3eb724ab9b57c61a9ac269.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Безусловно, ситуация за 2022 г. серьезно поменялась ввиду беспрецедентной в новейшей истории политики экономических санкций по отношению к российской экономике. Поэтому экспертами и аналитиками в настоящее время высказываются сдержанные прогнозы о долгосрочных трендах. Они связаны, с одной стороны, с высокой степенью зависимости многих групп продовольственных товаров от се-

менного и селекционного фонда, что несет в себе дополнительные риски ввиду блокировки многих внешнеэкономических и логистических связей российской экономики. С другой стороны, сужается горизонт прогнозов в связи с условиями общей глобальной неопределенности, когда происходят неконтролируемые трансформационные процессы как в разных сферах производства в национальных экономиках

мировой системы, так и при смещении сложившихся за последние десятилетия центров глобальных внешнеэкономических взаимосвязей.

Сохраняется много проблемных вопросов и в части понимания, кто будет заниматься в российской экономике проблемой продовольственного обеспечения: малые или крупные формы хозяйствования.

Анализ данных официальной статистики свидетельствует о сохраняющихся более высоких трендах роста со стороны крупных форм хозяйствования, которые представлены агрохолдингами или агрокорпорациями. Хотя официальная статистика до сих пор не ведет систематизированный учет числа агрохолдингов и не предоставляет данные об их структуре, анализ открытых аналитических информационных ресурсов и периодически появляющиеся перечни состава системообразующих предприятий позволяют утверждать, что организационно-хозяйственная структура современных агрохолдингов непростая. Она в свою очередь состоит из разного ко-

личества сельскохозяйственных организаций (СХО) и, как правило, почти не включает в свой состав крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ).

Сравнительный анализ темпов стремительного роста объемов выпуска между разными группами хозяйствующих субъектов и публикуемые данные о темпах роста выручки крупнейших агрохолдингов страны дополнительно подтверждают данное предположение. Причем в период мировой пандемии, когда в других сферах экономики наблюдался объективный спад, в сфере агропромышленного производства отмечался рост. Более того, темпы производства СХО начиная с 2018 г. увеличились почти в два раза по сравнению с предшествующими годами (рис. 1). Рост демонстрировали и крестьянские (фермерские) хозяйства вместе с хозяйствами населения (или личными подсобными хозяйствами – ЛПХ). Однако если разрыв между малыми формами хозяйствования незначительный, то между малыми и крупными формами хозяйствования он очень существенный.

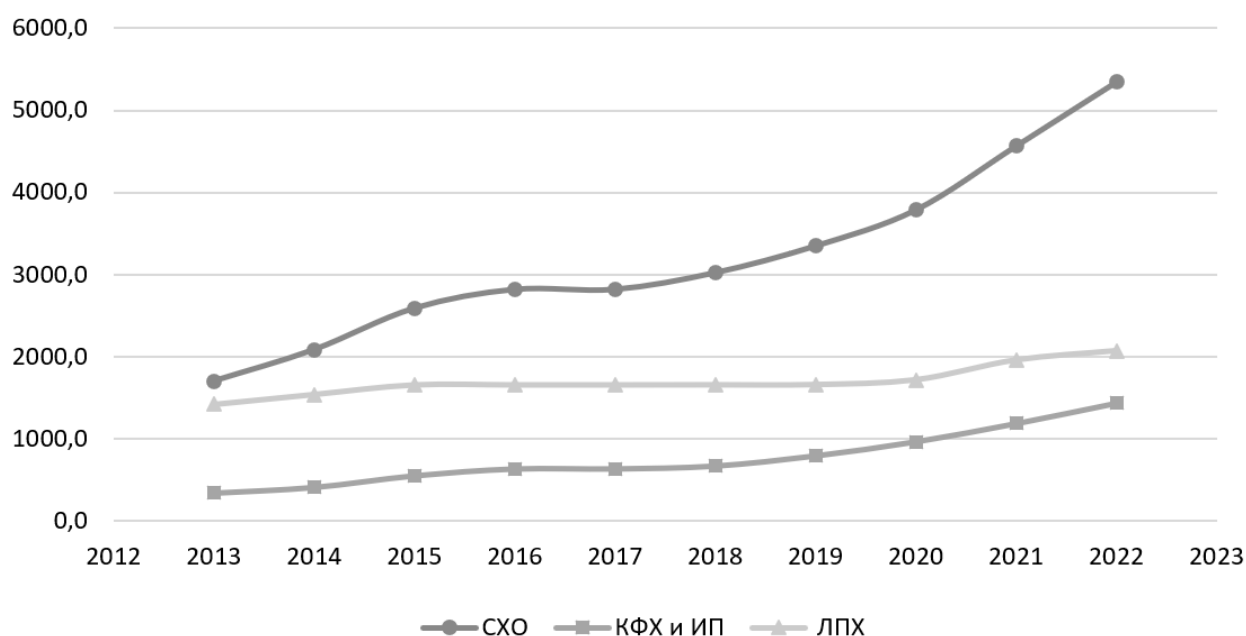

Рис. 1. Темпы объемов выпуска основных типов хозяйственных структур (в млрд руб.)

Составлено по данным Росстата.

Сформулированные тезисы достаточно серьезные, поскольку они взаимосвязаны, с одной стороны, с перспективами снижения в долгосрочном периоде уровня конкуренции в системе рыночной экономики, а с другой – с проявлениями растущей рыночной власти со стороны олигополистических структур в лице современных агропромышленных корпораций. Кроме того, по мере преобладания в общей структуре производства крупных хозяйствующих субъектов на новый уровень поднимаются вопросы относительно роли и степени государственного регулирования, а вместе с ними и вопросы о новых моделях формирования системы стратегического прогнозного планирования. Так, например, исследователями все чаще высказываются утверждения, что «с развитием глобальных процессов тектонической трансформации сфера действия конкурентных рыночных отношений снижается, и поэтому актуализируются вопросы замены этого рыночного механизма координации плановым механизмом... Сфера действия плановых механизмов по мере усложнения современного глобального мира очень сильно расширяется» [3]. Несмотря на то, что полноценной альтернативы рыночной системе не существует, тем не менее «определенный сдвиг в сторону отдельных элементов плановой системы координации в настоящий момент совершенно очевиден» [3].

Сравнительно-экономический анализ официальных данных российской статистики свидетельствует об устойчивых тенденциях преобладания СХО в структуре сельскохозяйственного производства. За последние десять лет их позиции не только не изменились, но и, наоборот, окрепли: доля СХО в структуре сельскохозяйственного производства увеличилась с 48,2% в 2011 г. до 60,4% в 2022 г. (рис. 2).

Сравнительно-экономический анализ официальных данных российской статистики свидетельствует об устойчивых тенденциях преобладания СХО в структуре сельскохозяйственного производства. За последние десять лет их позиции не только не изменились, но и, наоборот, окрепли: доля СХО в структуре сельскохозяйственного производства увеличилась с 48,2% в 2011 г. до 60,4% в 2022 г. (рис. 2).

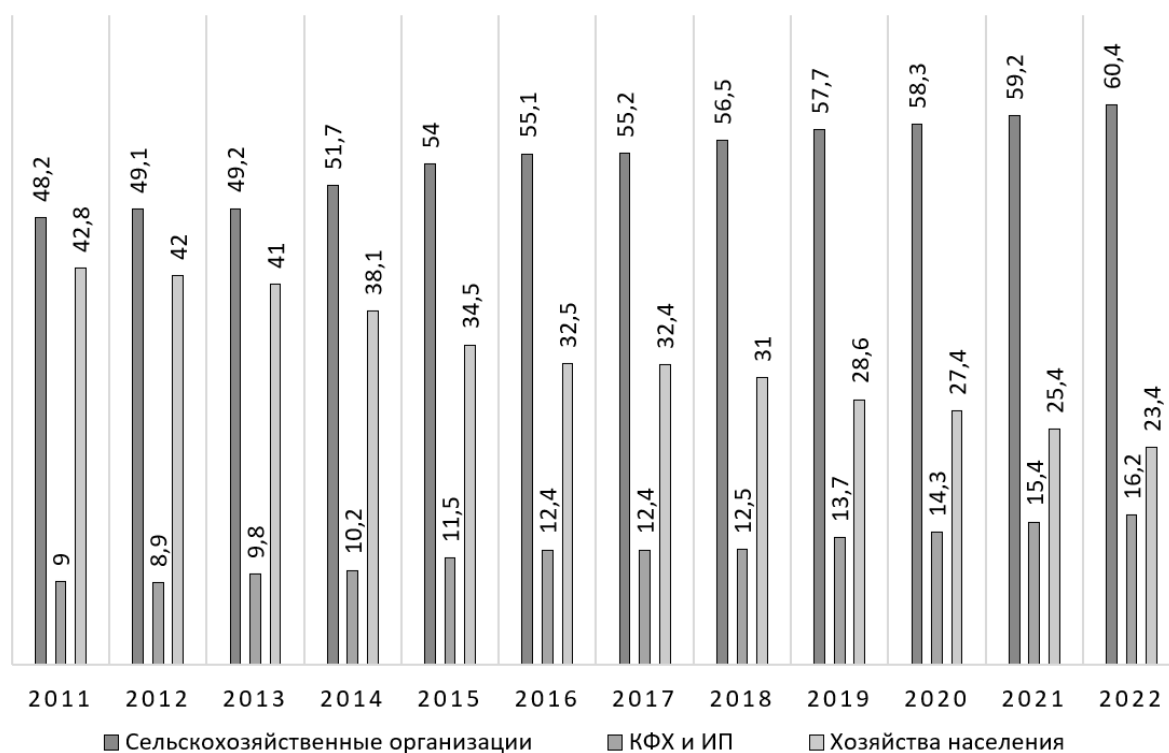

Рис. 2. Структура производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (в % от всех категорий хозяйств)

Составлено по данным Росстата.

Одновременно наблюдается концентрация земельных площадей в современных агрохолдингах, что также позволяет их рассматривать в качестве моделей олигополий с усилением рыночной власти. А это значит, что возможности конкуренции, которая способствует обеспечению продовольственного биоразнообразия в рыночной экономике, могут снизиться, поскольку рыночные сигналы при высокой степени монополизации уже не в состоянии эффективно влиять на субъекты рынка.

Ситуация тотальной экономической блокады и ее неопределенность в ближайшей перспективе по отношению к национальной экономике тоже способны оказать влияние на поступательный характер укрупнения, так как в моделях закрытых экономик хозяйствующие структуры с высокой долей рыночной власти, исходя из интересов личной максимизации прибыли, могут начать вести себя еще более напористо. Этому способствует и сжатие экспортных коридоров по реализации производимой продукции крупным агропромышленным бизнесом.

Логичным следствием процессов концентрации и укрупнения становится снижение сельскохозяйственной занятости, что наблюдается и в мировой экономической системе.

Вместе с тем не стоит забывать и о том, что малые формы хозяйствования – это не только отдельные экономические единицы, выполняющие свою функциональную миссию – производство продовольственной продукции и обеспечение биоразнообразия в процессе конкуренции. Это и исторически базовые точки опоры сложившихся ценностей хозяйствования и культуры потребления экологичной продовольственной продукции. Поэтому при очевидной возрастающей роли крупных форм хозяйствования в общей структуре сельскохозяйственного производства возрастает значимость внимания к вопросам сбалансированной государственной поддержки по отношению к разным типам форм

хозяйствования [5]. Не менее значима роль государства при выполнении такой специфической функции, как обеспечение баланса или гармонизации экономических отношений между малыми и крупными хозяйствующими структурами.

Совершенно очевидно, что ключевая мотивация такого планирования в агропромышленной сфере экономики должна быть нацелена не только на решение проблемы ПБ, но и на обеспечение баланса интересов всех хозяйствующих субъектов. Мотивируя наращивание совокупного предложения сельскохозяйственной и продовольственной продукции, важно не допустить затоваривания ее отдельных видов при закрытой экономике, так как, согласно канонам экономической теории, затоваривание может привести к снижению цен на произведенные товары, а значит, и к снижению доходности хозяйствующих субъектов. При развитии дальнейших событий в этой логической цепочке возможны негативные структурные трансформации во всей экономической системе.

Заключение

Таким образом, проблема продовольственного обеспечения и продовольственной безопасности многоаспектная.

Во-первых, она затрагивает как количественные, так и качественные параметры обеспечения продовольственными товарами, поскольку в век всеобщих процессов цифровизации и доминирования технологий существует не только проблема голода, но и проблемы недоедания и несбалансированного питания, которые в своей совокупности приводят к таким парадоксам, как риски деформации будущего человеческого капитала. Поэтому решение данной проблемы расщепляется на две составляющие. Первая важная составляющая – что производить в количественных параметрах, чтобы накормить всех голодающих или достичь количественных параметров продовольственной доктрины. Вторая составляющая – что производить в каче-

ственных параметрах, исходя из нормативов сбалансированного питания в условиях редкости ресурсов.

Во-вторых, проблема ПБ зависит от ответа на вопросы, кто будет производить или кто будет преобладать в хозяйственных структурах в процессе производства – крупные или малые формы хозяйствования. Эти вопросы в долгосрочной перспективе могут оказать объективное влияние на структурные хозяйственные сдвиги в экономической системе в сторону движения от рыночных механизмов к усилению

регулирования и стратегическому планированию, которое относится к непопулярному на сегодняшний день тренду у многих сторонников неоклассической теории рыночной экономики. Сохраняется важность выверенной экономической политики со стороны государства и осуществления осторожных шагов при дальнейшей трансформации с учетом сохранения многоукладности и рыночных принципов хозяйствования, а также накопленного потенциала хозяйственных практик с его ценностными ориентирами.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. 3. – URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html> (дата обращения: 01.02.2023).
2. Серова Е. В. Продовольственный кризис в мире наступил еще в начале пандемии. – URL: <https://daily.hse.ru/post/348> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Толкачев С. А. Механизмы планирования нужны для сдерживания капитализма. – URL: <http://freeconomy.ru/mneniya/mechanizmy-planirovaniya-nuzhny-dlya-sderzhivaniya-kapitalizma.html> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Чередниченко Л. Г. Воспроизводственные аспекты экономического роста в России // Вестник Российской экономической академии имени Г. В. Плеханова. – 2005. – № 4. – С. 36–47.
5. Чередниченко Л. Г., Савинова М. В. Оценка мультипликативного потенциала государственных расходов на цифровизацию экономики в России // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 41–48.

References

1. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. Vol. 3. (In Russ.). Available at: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Kapital3/index.html> (accessed 01.02.2023).
2. Serova E. V. Prodovolstvennyy krizis v mire nastupil eshche v nachale pandemii [The Food Crisis in the World Came at the Beginning of the Pandemic]. (In Russ.). Available at: <https://daily.hse.ru/post/348> (accessed 01.02.2023).
3. Tolkachev S. A. Mekhanizmy planirovaniya nuzhny dlya sderzhivaniya kapitalizma [Planning Mechanisms are Needed to Contain Capitalism]. (In Russ.). Available at: <http://freeconomy.ru/mneniya/mechanizmy-planirovaniya-nuzhny-dlya-sderzhivaniya-kapitalizma.html> (accessed 02.02.2023).
4. Cherednichenko L. G. Vosproizvodstvennye aspekty ekonomicheskogo rosta v Rossii [Reproductive Aspects of Economic Growth in Russia]. Vestnik Rossiyskoy ekonomicheskoy akademii imeni G. V. Plekhanova [Vestnik of the Plekhanov Russian Academy of Economics], 2005, No. 4, pp. 36–47. (In Russ.).

5. Cherednichenko L. G., Savinova M. V. Otsenka multiplikativnogo potentsiala gosudarstvennykh raskhodov na tsifrovizatsiyu ekonomiki v Rossii [Estimation of the Multiplicative Potential of Public Spending on the Digitalization of the Economy in Russia]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy* [Research and Development. The Economics of the Firm], 2021, Vol. 10, No. 2, pp. 41–48. (In Russ.).

Сведения об авторе

Татьяна Павловна Максимова

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова», 117997,
Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Maksimova.TP@rea.ru

Information about the author

Tatiana P. Maksimova

PhD, Assistant Professor
of the Department for Economic Theory
of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: Maksimova.TP@rea.ru